

М. А. СОЛОПОВА

АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ И ЕГО ТРАКТАТ «О СМЕШЕНИИ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КОММЕНТАТОРСКОЙ ТРАДИЦИИ АРИСТОТЕЛИЗМА

1. Александр Афродисийский: философ-перипатетик и комментатор

Александр Афродисийский (*Ἀλέξανδρος ὁ Ἀφροδιασιεύς*, из г. Афродисия в Карий, М. Азия; творческий расцвет ок. 200 г. н. э.) — влиятельнейший античный комментатор Аристотеля, глава перипатетической школы в Афинах ок. 198-209 гг. Александр — первый в ряду античных комментаторов, чьи тексты сохранились, и последний, кто толковал Аристотеля «с помощью Аристотеля», без привлечения неоплатонического словаря. Позднеантичные комментаторы, признавая авторитет Александра, часто ссылались на него как на «Комментатора» (*ὁ ἐξηγητής*), не называя по имени, — подобно тому, как Аристотеля называли просто «Философом». Не кто иной, как Симпликий, считал Александра Афродисийского самым «адекватным» (*γνησιώτερον*) из всех комментаторов Аристотеля (Simpl. *In Phys.* p. 80, 16).

Вероятно, Александр занимал одну из тех четырех философских кафедр, которые учредил император Марк Аврелий во время своего визита в Афины в 176 г. (тремя другими стали платоническая, стоическая и эпикурейская). Собственно, известно только то, что Александр был видным перипатетиком, но что он учил в Афинах — лишь предположение, основанное главным образом на его упоминании о статуе Аристотеля, установленной в Афинах (Alex. Aphrod. *In Metaph.* 415, 29-31). Другие вероятные места его преподавания — Рим и Александрия, где

также были подобные кафедры. Можно предположить, что Александр Афродисийский занял философскую кафедру в Афинах ок. 180 г., после смерти своего предшественника на этом посту Александра из Дамаска. Единственное свидетельство, позволяющее более или менее точно обозначить время философского расцвета Александра, принадлежит ему самому: свой трактат *О судьбе* он начинает с посвящения императорам-соправителям Римской империи (Септимию Северу и Антонину (Каракалле), что позволяет датировать это сочинение промежутком между 198 и 209 годами, то есть временем их совместного правления (см. *De fato*, p. 164, 3 Brans). Обращение «о величайшие самодержцы Север и Антонин» (*μέγιστοι αὐτοκράτορες Σεβήρα καὶ Ἀντωνίνε*) в принципе может быть истолковано трояко: это могли быть Марк Аврелий и Коммод, Септимий Север и Каракалла и Каракалла и Гета. Но первый и последний варианты крайне мало вероятны.

Учителями Александра были перипатетики Термин (ок. 120 — 180/90 г. н. э.) и Сосиген (даты приблизительно те же). Имя Сосигена называет сам Александр в комментарии на *Метеорологику* («наш учитель», *In Meteor.* p. 143.13), на Термина указывает Симпликий (*In De Caelo*, p. 430.32). Вероятно, у Александра был еще один учитель: ранее было принято считать, что это был Аристокл из Мессены, теперь — что это Аристотель из Митилены (ум. между 165 и 180 гг.). В трактате *Об уме* (*De Intellectu* 110.4), традиционно приписываемом Александру, сказано: «Я воспринял учение об уме-"приходящем извне" от Аристотеля» (*Ἦκουσα δὲ περὶ τοῦ τοῦ θύραθεν παρὰ... Ἀριστοτέλους, ἢ διεσωσάμην*). Целлер предложил изменить рукописное *Ἀριστοτέλους* на *Ἀριστοκλέους*, обосновав это тем, что неизвестно никакого Аристотеля, современника Александра. Когда же Поль Моро (P. Moraux) обратил внимание на содержащееся в трактате Галена *О нравах* (*Περὶ ἠθῶν*) упоминание об Аристотеле из Митилены как авторитетном современном перипатетике: *ἄνθρωπος πρωτεύσας ἐν τῇ Περὶπατητικῇ θεωρίᾳ* (*De consuet.*, p. 108, 11 Dietz), было разрешено основное сомнение Целлера — что во времена Александра не существовало философа с именем «Аристотель». Так Аристотель из Митилены стал учителем Александра¹. Занимая кафедру философии в Афинах, Александр должен был иметь множество учеников, однако никакие сведения о существовании его школы и об именах его учеников не имеется. Насколько можно судить по дошедшим произведениям Александра, в частности, по сборни-

¹ Подробный анализ аргументов всех участников этой дискуссии, см.: R. B. TODD, F. M. SCHROEDER, *Two Greek Aristotelian Commentators on the Intellect. The De Intellectu Attributed to Alexander of Aphrodisias and Themistius' Paraphrase of Aristotle De Anima 3.4-8* (Toronto, 1990), p. 10, n. 44 и p. 11, n. 52, также p. 22-31.

кам *Этические проблемы* и *Физические проблемы*, часть дошедших до нас текстов была издана по материалам его лекций — вероятно, именно учениками².

2. Корпус текстов Александра Афродисийского

Дошедший до современности корпус текстов Александра Афродисийского занимает три первых тома фундаментального издания греческих комментаторов Аристотеля: *Commentaria in Aristotelem Graeca*, editum consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borassicae, 23 vols., Berolini, 1882-1909 (далее сокращенно — CAG), а также 2-й из дополнительных к этому изданию томов: *Supplementum Aristotelicum*, 3 vols., 1885-1893 (далее — SA). О хронологии сочинений Александра, сохранившихся лишь частично, практически ничего не известно. Все его сочинения можно разделить на две основные группы: комментарии и трактаты.

2.1. Комментарии

Изданы сохранившиеся комментарии Александра:

1) на *Метафизику* — ed. Hayduck, 1891, CAG I (подлинны кн. I-V; комм. на кн. VI-XIV вслед за Прехтером принято приписывать Михаилу Эфесскому (XIV в.), есть также мнение о принадлежности этих книг школе Сириана, V в.);

2) *Первую Аналитику*, кн. I — ed. Wallies, 1883, CAG 2.1;

3) *Топику* — ed. Wallies, 1891, CAG 2.2;

4) *О чувственном восприятии* — ed. Wendland, 1901, CAG 3.1;

5) *Метеорологику* — ed. Hayduck, 1890, CAG 3.2.

Комментарий на *Опровержения софистов*, изданный в серии CAG 2.3, неаутентичен, собственный комментарий Александра, как и почти все его комментарии на *Органон* Аристотеля, не сохранился. Из утраченных комментариев по цитатам наиболее известны: на *Физику* и *О небе* (у Симпликия), а также на *О возникновении и уничтожении* и *О душе* (у Иоанна Филопона). Александр разбирает текст Аристотеля построчно и в случае необходимости прибегает к разъясняющему парафраза, обсуждает рукописные разночтения, приводит мнения более ранних комментаторов, толкует смысл отдельных терминов с помощью других текстов Стагирита, исходя из представления об аристотелевском учении как едином целом. Ценнейший комментарий на *Метафизику*

² Вопрос о возможных адресатах имеющегося наследия Александра рассмотрен в статье Роберта Шарплеса: R. W. SHARPLES, «The school of Alexander?», *Aristotle Transformed*. ed. R. Sorabji (L., 1990), p. 83-111.

представляет интерес, помимо прочего, уникальной информацией об академических сочинениях Аристотеля *Об идеях* и *О философии* (*In Met.* I, 9). Комментарий на *Аналитику* — основной источник сведений о некоторых расхождении между Аристотелем и его ближайшими учениками Теофрастом и Евдемом (в частности, по вопросу о модальности заключения при «смешанных» посылках силлогизма).

2.2. Трактаты

Подлинными считаются трактаты:

1) *О душе* — ed. Brims, 1887, SA 2.1;

2) *О судьбе* — ed. Bruns, 1892, SA 2.2;

3) *О смешении и росте* — ed. Brans, 1892, SA 2.2.

Александру также традиционно приписывают сборники отдельных рассуждений *Апории* и решения (*Φυσικὰ σχολικὰ ἀπορίαι καὶ λύσεις*, лат. *Quaestiones*) и *Этические проблемы* (фактически, это IV кн. *Апорий*). Вероятно, они были собраны по материалам рукописей и лекций учениками Александра. Это образцы школьной учебной литературы: формулировки отдельных проблем (*ἀπορίαι*) и их решения, краткие комментарии (*ἐξηγήσεις*) фрагментов сочинений Аристотеля, сводки (*ἐπιδρομαί*) тех или иных тем учения либо отдельных разделов аристотелевских сочинений, собрания аргументов для доказательства отдельных положений, полемические этюды.

Особенно много внимания вопросам полемики Александр уделяет в трактатах, его главные оппоненты — стоики и Гален. Однако из серии сочинений против Галена сохранился (в арабском переводе) лишь трактат, направленный против критики Галеном учения Аристотеля о перводвигателе³. Основные оппоненты Александра в сохранившихся произведениях — стоики. В *О судьбе* он выступает в защиту свободы воли против стоического фатализма, в *О смешении* критикует учение стоиков о всецелом смешении. В ходе полемики Александр приводит богатую доксографию периода древней Стои, но как доксограф он не вполне надежен из-за адаптации стоической терминологии к перипатетической (ср. ниже 4.5). В трактатах Александр часто представляет аристотелевскую точку зрения на вопросы, самим Аристотелем не обсуждавшиеся (ср. трактовку судьбы в смысле «природы» в трактате *О судьбе*). Трактат *О душе*, вероятно, близко следует утерянному *комментарию* Александра на *О душе*, первому в богатейшей традиции толкования этого

³ См. Alexander of Aphrodisias, *The Refutation by Alexander of Aphrodisias of Galen's Treatise on the Theory of Motion*, transl. with introd., notes and an edition of the Arabic text by N. RESCHER and M. MARMURRA (Islamabad. 1965).

текста. Трактат издан вместе с дополнительной книгой (так называемой *Mantissa*), традиционно приписываемой Александру. Из тематически неоднородных рассуждений, собранных в *Mantissa*⁴, наиболее важна интерпретация аристотелевской ноологии (см. *Об уме*, лат. *De intellectu* = *Mant.* р. 106-113, Bruns), и в особенности трактовка деятельного ума из аристотелевского трактата *О душе* III 5⁵. Ум понимается Александром трояко: 1) материальный, или потенциальный; 2) способный мыслить; 3) творческий (*ποιητικός*), или деятельный (*ἐνεργεια*), или «приходящий извне» (*θύραθεν*) — последний отождествлен Александром с божественным Умом из XII кн. *Метафизики*; этот третий ум резко ограничивается от первых двух умов, связанных с человеческим мышлением. Такая трансцендентальная интерпретация деятельного ума отходит от текста Аристотеля, рассматривавшего деятельный ум как бессмертную часть человека.

2.3. Судьба наследия Александра Афродисийского

Дальнейшая судьба сочинений Александра связана в первую очередь с традицией комментирования Аристотеля в неоплатонизме и на арабском Востоке. В античности Александр был знаменит главным образом благодаря своим комментариям, в средние века лучше знали его собственные сочинения. Внимание к Александру в неоплатонизме во многом обусловлено интересом к его сочинениям со стороны Плотина. Александр как источник Плотина — тема специального интереса исследователей; исходное свидетельство для установления объема и характера влияния — Порфирий, *Жизнь Плотина*, гл. 14. Из того, что было бы уместно сказать в данной статье, предшествующей переводу трактата *О смешении*, упомянем о трактате Плотина *О смешении* (*Περὶ κράσεως*). Епп. II 7, в котором он во многом зависит от одноименного трактата Александра. Если вспомнить также платонову критику стоиков в трактате *О бессмертии души* (Епп. IV 7), можно предположить, что основоположник неоплатонизма едва ли не ограничивался сочинениями Александра как источником для знакомства со стоической философией, заимствуя из его трактатов заодно и некоторые особенности ведения полемики с оппонентами.

⁴ Эти рассуждения относятся к учению о душе (*Mantissa* 1-5), физике (6-8, 14), психологии чувственного восприятия (9-13, 15-16), этике (17-20), учению о судьбе (22-25).

⁵ Аристотель говорит о таком уме, который «существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью»; «существуя отдельно, он есть то, что он есть, и только это бессмертно и вечно»; «ум страдательный смертен и без деятельного ума ничего не может мыслить» (*О душе* III 5, 430a16-18, 22-23).

Благодаря переводам на арабский, Александр оказался самым значимым посредником между Аристотелем и его арабскими экзегетами. Троякая интерпретация интеллекта и проблема соотношения ума человеческого и божественного, обозначенная Александром, обсуждались Ал-Кинди, Ал-Фараби, Авиценной, Аверроэсом. Огромный интерес к Александру в арабо-мусульманской традиции отнюдь не означал безоговорочного принятия его идей. Скорее наоборот, Александр был одним из самых авторитетных оппонентов для арабских мыслителей. Наиболее популярен был трактат *Об уме* (*De intellectu*), составлявший фон для главных дискуссий в рамках средневековой ноэтики. На латинском Западе Александр был малоизвестен вплоть до XII-XIII вв., когда с арабского на латынь перевели *De intellectu*; а затем с греческого — *О судьбе*, комментарии на *Метеорологику*, и на *О чувственном восприятии*. Наиболее значимым оставался текст *De intellectu* (ср. Thomas Aquinas, *De unitate Intellectus contra Averroistas*, а также *Summa contra Gentiles* III 62f.).

В конце XV — начале XVI вв. были изданы греческие оригиналы и латинские переводы почти всех сохранившихся сочинений Александра, что способствовало распространению его идей среди современных философов, и здесь особо следует отметить так называемую Падуанскую школу, некоторые представители которой развивали аристотелевское направление в философии именно в интерпретации Александра. Долгую историю имел спор между «александристами» (Помпонацци, Дзабарелла) и «аверроистами», соответственно отрицавшими и признававшими бессмертие человеческой души.

3. Греческие комментарии и комментаторы Аристотеля

Александр Афродисийский — одна из центральных фигур античной комментаторской традиции аристотелизма. Сама эта традиция представляет собой весьма существенную, если не основную, часть позднеантичной философии. Объем сохранившихся греческих комментариев на Аристотеля больше, чем любой другой корпус текстов, дошедших до нас от античности. Важность этих текстов для истории античной философии объясняется по крайней мере тремя обстоятельствами: 1) комментарии являются необходимым пособием для изучения философии Аристотеля; 2) их можно рассматривать как оригинальные авторские тексты, несмотря на всю условность такого утверждения по отношению к столь традиционному школьному жанру, каким является комментарий; 3) комментарии — важный доксографический источник; в них часто приводятся фрагменты сочинений авторов весьма широкого хронологического диапазона, от VI в. до н. э. до

VI в. н. э., и только благодаря комментаторам многие античные философы (в первую очередь, такие досократики, как Парменид и Эмпедокл) нам известны не по одним только именам. Немаловажно и то, что комментарии явились связующим звеном между античностью и средневековьем, и без них не может быть корректно понят образ Аристотеля в схоластике. Систематическое изучение корпуса текстов Аристотеля комментаторов в последние десятилетия XX в. только начинается. Спустя век после издания корпуса греческих комментариев под общей редакцией Германа Дильса⁶, комментаторы Аристотеля вновь оказываются в центре внимания ученых. В настоящее время проводится масштабная работа по переводу и научному комментарию корпуса на английский язык под общей редакцией Р. Сорабджи⁷ (издание серии продольно, включает английский перевод и комментарии; изданы отдельные комментарии Александра Афродисийского, Порфирия, Дексиппа, Фемистия, Аммония, Иоанна Филопона, Симпликия). Эта работа должна будет существенно уточнить сложившийся панорамный образ истории античной философии.

Первые комментарии были составлены учеником Аристотеля Евдемом Родосским (на *Физику* и некоторые логические сочинения), однако начало непрерывной комментаторской традиции связано с перераскрытием Аристотеля в I в. до н. э. и изданием его «эсotericических» сочинений (ранее имели хождение лишь «экotericические» популярные диалоги); Андроник Родосский, издатель Аристотеля, стал и первым его комментатором, за которым последовали поколения других, но лишь немногие тексты этой богатейшей философской традиции сохранились и ныне изданы.

КОММЕНТАРИИ НА СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ,
изданные в серии *Commentaria in Aristotelem Graeca*:

на *Категории*: Порфирий, Дексипп, Аммоний, Симпликий, Олимпиодор, Филопон, Элиас и Аноним (анонимный текст см. XXIII.2); на *Об истолковании*: Аммоний, Стефан Александрийский; на *Первую Аналитику*: Александр*, Аммоний*, Филопон; на *Вторую Аналитику*: Фемистий, Филопон, Евстратий*, Аноним (XIII.3); на *Топику*: Александр;

⁶ Ed. H. DIELS, *Commentaria in Aristotelem Graeca*, 23 vols, B., 1882-1909 [=CAG]: включает тексты (далее в хронологической последовательности) Адраста, Аспасия, Александра Афродисийского, Порфирия, Дексиппа, Фемистия, Сириана, Аммония, Прискиана, Асклепия, Филопона, Симпликия, Олимпиодора, Элия, Давида, Стефана, Евстратия, Михаила Эфесского и Софония (на греч.).

⁷ R. SORABJI (ed.), *Ancient Commentators on Aristotle* (L., 1987)

⁸ См. F. WEHRLI, *Die Schule des Aristoteles*, Bd. VII, ffs. 9-24 и 31-123.

на *О софистических опровержениях*: Михаил, Аноним (XXIII.4); на *Физику*: Фемистий, Симпликий, Филопон; на *О небе*: Симпликий; на *О возникновении и уничтожении*: Иоанн Филопон; на *Метеорологику*: Александр, Олимпиодор, Филопон*; на *О душе*: Фемистий, Филопон, пс.-Симпликий; на психологические сочинения (*parva naturalia*): Александр (*О чувственном восприятии*), Михаил Эфесский и Софоний (*О памяти, О сне и бодрствовании, О способности пророчать во сне*), Софоний — также *О сновидениях*; на соч. по биологии: Филопон (*О возникновении животных*), Михаил Эфесский (*О движении животных, О возникновении животных* и проч.); на *Метафизику*: Александр*, Сириан*, Асклепий*, Михаил Эфесский (?)*; на *Никомахову этику*: Аспасий*, Адраст (?)*, Евстратий*, Михаил Эфесский*, Аноним* (XX), Гелиодор из Прусы; на *Риторику*: Стефан Византийский и Аноним (XXI.2).

(Звездочкой отмечены комментарии, сохранившиеся не полностью).

Античные комментаторы Аристотеля могут быть разделены на две большие группы: комментаторы-перипатетики (вершина традиции — Александр Афродисийский) и комментаторы-неоплатоники (вершина традиции — Симпликий).

3.1. Комментаторы-перипатетики (I в. до н. э. — II в. н. э.)

Ранняя (перипатетическая) традиция комментария совпадает со временем возрождения аристотелизма в I в. до н. э.⁹ и связана прежде всего с такими именами, как Андроник Родосский, Боэт Сидонский, Аристон Александрийский. Другие известные перипатетики рубежа эпох, Николай из Дамаска и Ксенарх из Селевкии, судя по тому, что мы знаем об их сочинениях, не составляли комментариев. Ко II в. относится деятельность Аспасия Афинского, Термина, Адраста Афродисийского, Александра из Дамаска, Аристокла из Мессены и Сосигена. Александр Афродисийский заканчивает ряд античных комментаторов-перипатетиков, пытавшихся, по словам Моро, объяснить «Аристотеля с помощью Аристотеля»¹⁰.

⁹ Ср. неологизм *ἀριστοτελισμὸς* применительно к возрождению философии Аристотеля в I в. до н. э. — впервые у Страбона (*Geogr.* XIII, 1, 54), современника этих событий.

¹⁰ P. MORAUX, *Alexandre d'Aphrodise: exegete de la noétique d'Aristote*, Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège 99 (Paris. 1942), 16. Этот старинный герменевтический принцип впервые был сформулирован Аристархом и применен им в ходе истолкования поэм Гомера (см. Порфирий, *Quaestiones homericae*, p. 297, 16-17 (Schraeder); точно так же и Прокл утверждал, что он намерен разъяснить «загадочные тексты» Платона с помощью других текстов Платона (*Theol. Plat.* I 2, p. 10, 2-4).

В начальный период интерес комментаторов был сосредоточен главным образом на логических сочинениях Аристотеля, и прежде всего на *Категориях*, которые комментировали Андроник, Аристон, Боэт, Аспасий, Адраст и Термин. Об этих комментариях мы знаем по свидетельствам поздних комментаторов (Симпликия, Элиаса). Наиболее значительные фигуры этого периода — Аспасий, Адраст и Александр Афродисийский¹¹. Первые полные комментарии дошли только от Александра Афродисийского, ставшего для последующей традиции Комментатором как таковым. Частично сохранились комментарии на *Никомахову этику* Аспасия, который комментировал также *Категории*, *Об истолковании*. *Физику*. *О небе* и *Метафизику*. Возможно, частично сохранился еще один до-Александровский комментарий, если вслед за Кенни признать, что анонимные комментарии на ту же *Никомахову этику* принадлежат Адрасту Афродисийскому¹². У Адраста были комментарии также на логические и физические сочинения Аристотеля и, кроме того, сочинение *О порядке философских сочинений Аристотеля*¹³, которое подытожило дискуссию о правильной последовательности сочинений Аристотеля внутри корпуса, инициированную изданием Андроника Родосского.

Вероятно, имея в виду этих авторов, но прежде всего Александра Афродисийского, Фемистий — автор IV в., которого также условно относят к перипатетической традиции комментария — утверждал, что комментаторская работа успешно завершена и теперь следует адаптировать достигнутые результаты к задачам школьного образования и составлять учебные парафразы (*In An. Post.* 1, 2-12). Сам Фемистий составил несколько таких парафраз, из которых три сохранились на греческом (на *Физику*, *О душе* и *Вторую Аналитику*), и еще два в переводе на еврейский (на *О небе* и XII кн. *Метафизики*).

Комментарии Александра Афродисийского постоянно были в рабочем обиходе у всех философов, серьезно изучавших и комментировавших Аристотеля, и благодаря этому представление о многом из утраченного мы можем составить по цитатам и отсылкам го позднейших источников. Правда, в характере цитирования позднейшими авторами текстов Александра существует одна особенность, затрудняющая возможность восстановить по позднейшим цитатам хотя бы общий план утраченных комментариев Александра: его чаще всего цитируют только

¹¹ Именно этих комментаторов -перипатетиков читал на занятиях со своими учениками Плотин (Porf. *Vit. Pl.* 14, 13).

¹² А. KENNY, *The Aristotelian Ethics* (Oxford, 1978), p.37

¹³ На этот авторитетный текст не раз ссылается Симпликий, см.: Simplicius, *In Cat.*, 15.36-16 4, 16.12, 18.16; *In Phys.* 4.11, 6 5, 122.33.

в том случае, когда интерпретация автора комментария расходится с интерпретацией Александра¹⁴.

Трудно судить, насколько комментарии Александра по своей структуре следуют сложившейся к его времени традиции. Характер старых комментариев мог представлять собой либо сжатые сводки текста, либо парафразы, либо комментарии строка за строкой (к последнему варианту наиболее близки комментарии Аспасия на *Никомахову этику*, с тем отличием, однако, что Аспасий для комментария берет весьма значительный фрагмент текста). Большинство комментариев Александра Афродисийского являются именно построчными комментариями. В их структуре можно выделить три элемента. *Во-первых*, это разъяснение аристотелевского текста, предваряемое в некоторых случаях обсуждением различных чтений одного и того же места в разных рукописях¹⁵; для истолкования текста Александр часто привлекает другие тексты Аристотеля — во всяком случае, когда сам Аристотель ссылается на свои собственные определения в других работах, Александр обязательно приводит соответствующие тексты; часто он использует труды своих предшественников. Комментируемый Александром фрагмент текста Аристотеля (лемма) обычно не превышает одной-двух строк. *Во-вторых*, это обстоятельный парафраз текста, необходимость в котором возникает тогда, когда есть затруднения в его понимании. *В-третьих*, параллели с другими философскими школами — или потому что они упомянуты в самом аристотелевском тексте, или, как в случае со стоиками, потому что их доктрины имеют известную связь с рассматриваемыми у Аристотеля взглядами.

В качестве небольшого отступления заметим, что искусство Александра-комментатора можно сопоставить с комментаторским искусством замечательного ученого, врача и философа II в. Галета, старшего современника Александра и, что любопытно, так же, как и Александр,

¹⁴ По замечанию Блюменталя в его *Aristotle and Neoplatonism in Late Antiquity- Interpretations of the 'De Anima'* (N.Y., Ithaca, 1996), p. 14, с отсылкой к его же статье «Alexander of Aphrodisias in the Later Greek Commentaries on Aristotle's *De Anima*», *Aristoteles. Werk und Wirkung*, Paul Moraux gewidmet II, ed. J. WIESNER, (B., N.Y.), 90-106. В справедливости наблюдений Блюменталя можно убедиться, обратившись к русскому переводу комментария Симпликия на *Физику*, где мы в первых абзацах читаем: «хоть Александр с этим и не соглашается», «именно так лучше всего определить, а не так, как Александр» и т. д., см.: Симпликий, *Комментарий к 'Физике' Аристотеля* [кн. 1, гл. 1], пер. Т. Ю. БОРОДАЙ, публикуется ниже, с. 329-356.

¹⁵ В текстах комментариев часто встречается замечания по следующему образцу: «В некоторых рукописях вместо $\delta\delta\kappa\lambda\alpha\nu$ стоит $\alpha\mu\kappa\lambda\alpha\nu$ » (*in Met.* p. 75.26-27). Или: «Это место вплоть до слов $\epsilon\tau\iota \delta\delta\epsilon\iota\alpha\iota\sigma\iota\alpha\iota \delta\epsilon\iota \alpha\delta\delta\iota\alpha\tau\omicron\nu \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$ в некоторых рукописях отсутствует» (*in Met.* p. 104.20-21) и т. д., ср. также *in De anima* p. 85.2; *in Pr. Anal.* I, p 144.5, 151.15, 210.30, 304.14.

бывшего учеником ученика Аспасия: учителем Александра был Термин, ученик Аспасия, а одним из учителей Галена был неизвестный нам перипатетик, ученик того же Аспасия (свидетельство самого Галена). Известно, что произведения Галена Александр внимательно изучал, а в огромном корпусе сочинений Галена имеется целых десять комментариев на Гиппократ, и, кроме того, отрывки комментария на платоновского *Тимея*. Отметим лишь одно: комментарии Галена и комментарии Александра близки по структуре — и те и другие представляют собой комментарии последовательно цитируемого текста (более ранним образом комментария подобного рода являются только аллегорические комментарии Филона Александрийского). Гален тоже привлекал для своей работы различные рукописи и еще до Александра явил пример филологической критики текста, естественным образом включенной в содержательный комментарий¹⁶.

В целом для этого периода характерна установка на внутреннюю реконструкцию аристотелизма: объяснение Аристотеля «с помощью Аристотеля», представление его учения как самодостаточной системы и устранение из него всех (действительных или мнимых) противоречий. Наряду с экзегетической работой, комментаторы-перипатетики также стремились развивать аристотелевское учение и пытались ответить на внешнюю критику аристотелизма так, как мог бы это сделать сам Аристотель, — но делали это не в рамках комментария (*ἑρμηνεία*), а в рамках авторского трактата (*σβύρασμα*). Представители других школ Аристотеля не комментировали, хотя обыкновено говорится о «комментариях» на *Категории* платоника Евдора Александрийского и стоиков Афинодора (I в. до н. э.) и Корнута (I в. н. э.), однако это были не собственно комментарии, а критический разбор учения Аристотеля, — что еще раз свидетельствует о повышенном интересе к аристотелевским *Категориям* у первых комментаторов.

3. 2. Комментаторы-неоплатоники (III-VII вв. н. э.)

Ряд комментаторов-неоплатоников открывает ученик Плотина Порфирий, положивший начало школьной традиции чтения Аристотеля (в первую очередь, логических сочинений) в качестве пропедевтики к Платону; сохранились комментарий Порфирия на «Категории» (написанный в редком для комментариев жанре диалога) и популярнейшее в

¹⁶ Например, комментируя Платона, Гален особо отмечает, что в данном месте он принимает чтение «аттических рукописей», и разбирает далее, какая буква вместо какой и почему стоит в тексте (см. Galenus, *In Platons Timaeum commentaria fragmenta e cod. Paris. gr. 2838*, ed. H. O. SCHRODER, *Corpus medicorum Graecorum, supplementum* vol. 1 (Leipzig, 1934), fr. 2.107-111).

дальнейшем Введение к *Категориям*; остальные комментарии (в том числе на *Метафизику*, *Физику* и *О душе*) утрачены.

Сквозной проблемой традиции комментирования Аристотеля в неоплатонизме стал вопрос «о гармонии» учений Платона и Аристотеля. Сам Плотин в *Энн.* VI 1-3 (*О высших родах сущего*) подчеркивал более низкий статус категорий Аристотеля по сравнению с пятью «высшими родами сущего» Платона (терминология *Софиста*). В дальнейшем центр тяжести в вопросе о соотношении учений Платона и Аристотеля неоплатоники перенесли на демонстрацию взаимной непротиворечивости двух философских языков, применимых, соответственно, к миру чувственному и умопостигаемому, — Порфирий пишет *О единстве сочинений Платона и Аристотеля*, Ямвлих, полагает, что учение Аристотеля о категориях никак не противоречит учению об идеях Платона, такова же позиция ученика Ямвлиха Дексиппа в комментарии на *Категории*. Ямвлих много комментировал Аристотеля, но остальные его комментарии (в том числе на *Органон* и *О небе*) утрачены.

Комментаторы Афинской школы: Сириан, Прокл, Дамаский. Сириан комментировал, вероятно, все основные сочинения Аристотеля, но сохранился только комментарий на *Метафизику*, кн. III—IV и XIII—XIV, в котором он защищает теорию идей Платона от критики Аристотеля, — один из примеров нежелания видеть гармонию в учениях двух философов. Прокл изучал сочинения Аристотеля в течение двух лет, — по выражению его биографа Марина, после «малых мистерий» Аристотеля Прокл перешел к «большим мистериям» Платона, — и это весьма характерное понимание места Аристотеля в философском курсе, сложившееся после Порфирия и особенно после закрепления в школе «канона Ямвлиха». Известно о комментариях Прокла на *Об истолковании и Аналитики* (утрачены). Последний схолярх афинской Академии Дамаский комментировал *Категории*, *О небе*, *Метеорологику* (утрачены). Вероятно, Дамаскию принадлежит текст I книги комментария на *О небе* Симпликия, автора самых основательных античных комментариев, из которых сохранились далеко не все; в числе прочих утерян грандиозный комментарий на *Метафизику* — остается сожалеть, но не сохранилось ни одного полного античного комментария на *Метафизику*, которых было составлено немало; комментарий на *О душе* не принадлежит Симпликию, хотя и издан под его именем, а собственный комментарий Симпликия утерян. В отличие от большинства античных комментаторов, Симпликий составлял комментарии не как лекционные курсы, а как тексты для чтения. Симпликий, учившийся сначала у александрийца Аммония, но скоро переехавший в Афины и составивший все свои комментарии уже после закрытия Академии, может быть отнесен и к афин-

ской, и к Александрийской школе. К последней принадлежали такие комментаторы Аристотеля, как Аммоний, Асклепий, Олимпиодор, Иоанн Филопон, Элиас, Давид, Стефан Александрийский. В корпусе сохранившихся античных комментариев именно комментаторы Аристотеля, принадлежавшие к Александрийской школе, представлены лучше всего, в силу значительной утраты экзегетического наследия платоников из Афин.

В характере комментирования Аристотеля в Афинах и Александрии обычно отмечают свои особенности: для Александрии — большее стремление к гармонизации учений Платона и Аристотеля, с одной стороны, а с другой — более близкое следование комментируемому тексту, в то время как для Афин — склонность к мистицизму и теургии. Однако это различие не может быть строгим, ибо две традиции были тесно переплетены: один из самых значительных комментаторов античности Аммоний, учивший в Александрии, был учеником афинянина Прокла, а учениками Аммония были Дамаский и Симпликий (впоследствии переехавшие в Афины); сохранились комментарии Аммония на *Категории*, *Об истолковании*, *Первую Аналитику* (I кн.); запись комментария на *Метафизику* I—VII сделана учеником Аммония Асклепием и издана под его именем. О единстве методологических установок «афинян» и «александрийцев» свидетельствует, например, предложенный Аммонием в комментарии на *Введение* Порфирия список предварительных вопросов, на которые следует ответить, приступая к изучению любого сочинения (ср. восходящее к Ямвлиху методологическое требование точно определять «цель» платоновского диалога, и в соответствии с ней выстраивать комментарий): о тематике (*ὁ σκοπός*) и «пользе» (*τὸ χρήσιμον*) сочинения, о его аутентичности месте в (*τὸ γνήσιον*), их сочинений (*ἡ τάξις τῆς ἀναγνώσεως*), смысле заглавия (*ἡ αἰτία τῆς ἐπιγραφῆς*), структурном делении на главы (*ἡ εἰς τὰ κεφάλαια διαίρεσις*) и — к какому разделу философии относится данное произведение (*ὑπὸ ποῖον μέρος ἀνάγεται τὸ παρὸν σύγγραμμα*). Более пространственный список из 10 пунктов (завершающийся вопросом «каков должен быть сам комментатор?») см. в комментарии Аммония на *Категории* (In Cat. 1, 1-12). После Аммония подобные схемы из 10 вопросов можно найти у Симпликия (In Cat. 3, 20-29), Олимпиодора, Филопона и Элиаса, причем Элиас полагает, что эта методологическая схема разработана Проклом (In Cat. 107, 24-26).

Последние представители школы были уже христианами: Иоанн Филопон комментировал *Категории*, *Аналитики*, *Физику*, *О возникновении и уничтожении*, *Метеорологию* и *Метафизику* (последний не

сохранился); в конце VI в. Элиас и Давид комментировали главным образом логические труды (*Категории* и *Аналитику*), Стефан Александрийский известен как автор комментария на третью книгу *О душе* и *Об истолковании*. Ок. 610 г. Стефан переехал из Александрии в Константинополь ко двору императора Ираклия, — на этом история античного комментария прекращается.

3.3. Византийские комментарии XI-XII вв.

Среди комментариев, изданных в серии CAG, есть также византийские авторы: Евстратий, автор комментариев на *Вторую Аналитику* (кн. II) и (никомехову) *Этику* (кн. I и VI); Михаил Эфесский, автор комментария-парафраза на *Этику* (кн. V, IX-X) и на ряд психологических и биологических трактатов; Софоний, автор комментария-парафраза на *О душе* и Гелиодор из Прусы (вероятно, нач. XIV в.), составивший парафраз *Этики*. Наиболее важны обстоятельные комментарии Михаила, более следующего аристотелевской традиции, и Евстратия, вводящего в текст комментариев платонические, христианские и антиисламские мотивы. Оба комментатора принадлежали к знаменитому философскому кружку византийской принцессы Анны Комниной.

3. 4. Ранние латинские комментарии (IV-VI вв. н. э.)

В заключение можно упомянуть о том, что в поздней античности шло формирование латинской традиции комментария. Первыми латинскими комментаторами Аристотеля были философы-неоплатоники и христианские богословы Марий Викторин (сер. IV в.), который перевел *Об истолковании* и *Топику*, а также комментарий Порфирия на *Категории* и Боэций (1-я треть VI в.), которому принадлежат переводы на латынь *Органона* и комментария на *Категории* и *Об истолковании*. Кроме того, были известны переводы на латынь Фемистиевых парафраз обеих *Аналитик*, выполненные Претекстатом. Можно отметить также, что еще во II в. двуязычный платоник Апулей написал по-латыни изложение содержания трактата *Об истолковании*, что также можно рассматривать как опыт комментаторской работы. Первые латинские комментарии находились на периферии комментаторского движения античности, однако благодаря Боэцию латинская традиция оказалась определяющей для создания философского портрета Аристотеля для раннего Средневековья.

4. Трактат Александра Афродисийского О смешении и росте: перипатетическая критика стоической физики

4.1. Основная проблематика и композиция трактата

Трактат *О смешении и росте* (*Περὶ κράσεως καὶ αὐξήσεως*, лат. *De mixtione*) по своей проблематике близко связан с трактатом Аристотеля *О возникновении и уничтожении*. Его даже можно было бы считать своего рода комментарием на I кн. *О возникновении и уничтожении*, если бы не ярко выраженный полемизм данного сочинения и широкое привлечение материала из традиции, Аристотелю не известной, а именно стоической. У Александра был отдельный комментарий на *О возникновении и уничтожении*, но трактат *О смешении*, который основан на аристотелевском учении, изложенном в *О возникновении*, — это, в основной его части, обсуждение и критика стоической физики и прежде всего учения о полном смешении (*κράσις*). Таким образом, перед нами, во-первых, образец школьного полемического сочинения, и во-вторых, образец сочинения, развивающего аристотелевское учение в новом историко-философском контексте.

Трактат Александра *О смешении* построен по традиционной аристотелевской схеме:

- **формулировка основной проблемы** исследования (гл. 1);
- **историко-философский экскурс** в обсуждаемую проблему (гл. 2-3);
- **аргументы «за»** (гл. 4);
- **аргументы «против»** учения стоиков о смешении (гл. 5-12);
- **решение проблемы:** учение о смешении и органическом росте по Аристотелю (гл. 13-16)

4.2. Понятие смешения в физике Аристотеля

Понятие «смешение», вынесенное в заглавие трактата, может быть понято и как термин аристотелевской традиции, и как термин стоической традиции. В каждом из этих случаев значение термина будет разным.

Под «смешением» имеется в виду традиционный для античной физики вопрос об образовании из простых элементов сложных тел. Из ничего ничего не бывает — это незыблемый постулат античной мысли. В рамках систем, постулирующих те или иные первоэлементы (атомы, гомеомерии, четыре простых тела), всякое возникновение из простого сложного может быть описано термином «смешение». Но в более стро-

гом смысле термин «смешение» приложим к процессам взаимодействия между различными сложными веществами: Аристотель исходит из того, что условием смешения является способность участвующих в смеси тел взаимодействовать и соприкасаться, — чтобы взаимодействовать, нужно обладать сложной структурой. Различные типы смешения описываются в рамках специальной теории смешения, и впервые таковую предложил Аристотель в трактате *О возникновении и уничтожении* (сводка основных постулатов — кн. I, гл. 10). Главные тезисы учения: чтобы два тела могли быть смешаны, они должны быть способны легко взаимодействовать между собой и быть легко делимыми, а этому условию наилучшим образом отвечают **жидкости**; фиксировать наличие смеси можно лишь тогда, когда у нас имеется **однородный состав**; при смешении и выделении из смеси не происходит возникновения и уничтожения веществ, а происходит их качественное изменение. «Смесь — это объединение способных к смешению веществ, когда они уже изменились в качестве» (*О возникновении и уничтожении* I, 10, 328b23). Смешиваемые тела при смешении переходят от действительного существования к возможному, при выделении из смеси — от возможного к действительному.

Важно отметить, что в рамках учения Аристотеля о смешении существует только оппозиция «смешение» (*μίξις*) — «составление» (*παράθεσις*): смесь или есть, и тогда она однородна и процесс изменения веществ необратим, или ее нет, и тогда соединенные вещества лишь внешним образом соприкасаются, их частички как бы перемежаются между собой, но сами компоненты смеси сохраняются субстанциально. Первый случай соединения Аристотель называл как *μίξις*, так и *κράσις* (для него это синонимы), второй — *παράθεσις*, как и стоики впоследствии. В противоположность этому стоики вводили такой тип смешения, при котором вещества должны были полностью *сохранять* все свои качества.

4.3. Учение стоиков о смешении

Критическая часть трактата построена как изложение и опровержение оригинального стоического учения о пневме и о смешении *целиком и полностью*. Хотя с помощью этого учения можно описать структуру любого отдельно взятого тела (всякое тело сложено из элементов, а значит, может быть описано как их смесь), в собственном смысле смешение происходит между разными веществами. Стоики различают три типа смешения:

- 1) *Составление* (*παράθεσις*), когда соединяемые тела лишь внешне соприкасаются;

2) **Смешение целиком-и-полностью** (*κράσις δι' ἄλλων*), когда взаимодействующие тела проникают друг друга *целиком-и-полностью*, образуя единое целое. но каждое тело остается при этом самим собой;

3) **Слияние** (*σύχυσις*), когда компоненты смеси взаимно уничтожаются и теряют свою идентичность в новообразованном соединении.

Именно так представляет различные типы смешения у стоиков Александр Афродисийский (О смешении, гл. 3). Однако согласно свидетельству Ария Дидима (у Стобея, см. Stobaeus. *Eclogae* I. xvii. 4. 153. 24-155.14 Wachsmuth (= SVF II 471)), стоики различали не три, а четыре вида смешения, разделяя смешение целиком-и-полностью на два подвида: **смешение-сплав** (*μίξις*) и **смешение-раствор** (*κράσις*), — различие только в соответственно твердом и жидком состоянии взаимодействующих веществ. Для смешения-*μίξις* обычный пример — раскаленное железо, для смешения-*κράσις* — разбавленное водой вино¹⁷. Но Александр Афродисийский не принимает во внимание такое различие между *μίξις* и *κράσις* и использует *μίξις* чаще всего как родовое понятие для всех видов смешения, следуя нормам своей перипатетической традиции. Ввиду этих терминологических различий сразу оговариваемся: в переводе мы будем передавать термин *κράσις* как «смешение *целиком-и-полностью*», либо «*слитное смешение*», либо «*всецелое смешение*», а термин *μίξις* — как просто «смешение». Кроме того, *продукт* смешения-*κράσις* по-гречески тоже называется *κράσις*, что мы переводим как *смесь*.

¹⁷ См. SVF II 471: «В стоической школе принято различать *παράθεσις* (составление), *μίξις* (проникающее смешение), *κράσις* (смешение) и *σύχυσις* (слияние). Составление — это поверхностное соприкосновение тел, что можно видеть, когда ссыпают в кучу пшеницу, ячмень или чечевицу, — там каждое зернышко лежит подле другого, то же самое наблюдается в кучах прибрежной гальки и песка. Проникающее смешение — это полное взаимопроникновение двух или более тел, при сохранении присущих им качеств, как это бывает с огнем и раскаленным железом, ведь тут оба тела полностью пронизывают друг друга. Подобно этому обстоит дело и с нашими душами: они пронизывают наши тела полностью, ибо стоики полагают, что тела проникают друг друга. Далее смешением они называют взаимопроникновение двух или более жидких тел при сохранении их качеств. Причем проникание бывает, когда смешиваются и сухие тела тоже, например, огонь и железо, душа и объемлющее ее тело, а смесь — только когда смешиваются жидкости, ибо в результате смеси выявляются качества каждой из смешанных жидкостей, например, вина, меда, воды и уксуса и всего в этом роде. Что качества смешанных тел в смеси сохраняются, станет ясно, если суметь отделить их друг от друга: если опустить в вино, смешанное с водой, бродильную губку, то вода отделится от вина, так как вода вберется в губку. Слияние же бывает, когда происходит изменение свойств двух или более слитых тел, как это бывает при составлении благовоний и лечебных снадобий».

4. 4. Критика стоического учения о смешении у Александра

Краткое аналитическое содержание О смешении, гл.1-12.

1. Введение

213.2—13. По стоикам, *целиком-и-полностью* тела смешиваются в том случае, когда они сохраняют каждое свою собственную природу и могут быть выделены из смеси обратно.

213.13—214.16. По вопросу о смешении не согласны между собой не только те, кто считает материю сплошной однородной массой и те, кто полагает ее дискретной, но и сторонники каждого из этих направлений.

2. Атомистическое учение о смешении

214.16—28. Согласно Демокриту, материя дискретна и смешение — это на самом деле составление дискретных атомов.

214.28—215.8. Согласно Эпикуру, при смешении тела распадаются на атомы, но это также не позволяет говорить собственно о смешении. 215.8-32. Эти теории описывают смешение не тел, а их элементов. Но элементы у всех тел *одинаковые*, понятие же смешения предполагает, что смешиваются *разные* тела.

3. Учение стоиков о смешении целиком-и-полностью

216.1-217.2. Согласно Хрисиппу, космос представляет собой единое целое благодаря *целиком-и-полностью* пронизывающей его *пневме*; при этом внутри космоса образуются три типа смешения: *составление*, *слияние* и смешение *целиком-и-полностью*.

217.2-13. Эта классификация основывается на общепринятых и естественных понятиях. Слитная смесь есть *полное взаимопроникновение* составляющих, в отличие от простого составления.

4. Доводы в пользу учения о смешении целиком-и-полностью

217.13-32. Стоики говорят, что некоторые вещества и вещи приобретают новые способности при объединении с другими веществами: золото лучше плавится, если его нагревать с определенными добавками, и т. д. Маленькая капля вина, смешанная с большим количеством воды, может смешаться с водой *целиком-и-полностью*.

217.32-218.10. Самыми наглядными доказательствами своей теории стоики считают связь души с телом, прокалывание железа огнем, освещение воздуха солнечным светом.

5. Взаимопроницаемость тел через поры

218.10-24. Изложенная теория о взаимопроницаемости тел противоречит понятию о непроницаемости тел.

218.24-219.9. Не может быть никакого взаимопроникновения через поры тела, потому что тогда получается, что тела взаимопроницаемы не поскольку они тела, а поскольку они пусты (пористы). Если же поры в свою очередь чем-то заполнены, тогда вообще нет смысла говорить о них как о причине смешения *полностью*.

6. *Взаимпроницаемость тел и понятие места*

219.9-22. Тезис о взаимпроницаемости тел противоречит тезису об увеличении общей массы тел при их совмещении.

219.22-220.13. (1) Если два тела взаимпроницаемы, то место, занимаемое проницающим телом, должно остаться пустым; (2) Проницающее тело вовсе и не тело, если оно не занимает ни своего места, ни места проницаемого им тела; (3) Но и проницаемое тело тоже не тело, потому что оно может принять в себя проницающее тело только за счет пустых зазоров между частичками.

220.13-23. Представление о капле вина, *целиком* смешавшейся с морем, явно абсурдно и ничего не доказывает.

7. *Смешение целиком-и-полностью и сохранение телами своих качеств*

220.23-35. Смешанные тела НЕ МОГУТ СОХРАНЯТЬ СВОИХ КАЧЕСТВ, и слова стоиков о том, что в слитной смеси компоненты сохраняют свои качества и потому могут быть выделены обратно, совершенно нелепы. 220.35-221.25. Если компоненты сохраняют свои качества, то они составлены вместе, а не смешаны, а если они взаимно уничтожились, то они растворились друг в друге. Не может быть никакого другого случая. Когда компоненты взаимно уничтожены, обратно они выделены быть не могут.

8. *Смешение целиком-и-полностью и актуально бесконечное деление тел*

221.25-222.3. Если смешение происходит ПУТЕМ ОБОЮДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ, то (1) если деление в конце концов прекращается, тогда в этой неразделенной частице не будет смешения *целиком-и-полностью*; (2) а если деление не останавливается, то оно должно перейти на нетелесные части величины (плоскости, линии и точки), но из них телесные компоненты смешения не могут состоять.

222.4-13. Допущение бесконечной делимости тел влечет за собой отрицание смешения *целиком-и-полностью*. Если бесконечное деление значит бесконечно долгое деление, то в таком случае всегда ОСТАЕТСЯ НЕЧТО, ЕЩЕ НЕ РАЗДЕЛЕННОЕ, следовательно, несмешанное.

222.13-26. Деление до бесконечности даст актуально бесконечные серии частей, имеющих величину, и получится бесконечно большое тело, состоящее из бесконечно больших частей. Если части не будут иметь величины, то есть будут нетелесными, то выйдет НЕЛЕПОСТЬ: ВЕЛИЧИНА БУДЕТ состоять из того, что величины НЕ ИМЕЕТ.

9. *Критика стоических примеров полного смешения*

222.26-222.35. Связь души с телом, света и воздуха, природы и растений, обладания и неживых тел существование смешения не доказывает, ибо каждое из попарно перечисленного как раз не отделимо одно от другого, ибо форма НЕ СУЩЕСТВУЕТ ОТДЕЛЬНО ОТ МАТЕРИИ.

222.35-223.6. Огонь не смешан с железом или с любым другим горючим материалом. И первая материя не смешана с формой, разрушается только материя более сложная.

10. *Учение стоиков о пневме*

223.6-17. Вместо того, чтобы приписать объединяющую силу пятому телу (эфиру), стоики приписывают ее какой-то *пневме*.

223.17-19. Учение о пневме ложно уже потому, что основано на ложном учении о проницаемости тел. Дополнительные доводы против: 223.20-27.

Никакая пневма (горячий воздух) не может находиться внутри тел. 223.27-34.

Пневма все объединяет, но ведь есть не только непрерывные, но и дискретные тела.

223.34-224.6. Понятие *натяжения* пневмы указывает на ее зависимость от чего-то другого, — получается, что причина связи всех сущих в космосе сама обязана своей связностью иной причине.

224.6-14. Если пневма — причина связи, то как возможно разделение?

224.14-24. Сама пневма не есть что-то простое, ибо составлена из огня и воздуха, но тогда огонь и воздух должны были существовать до пневмы, а стоики говорят, что благодаря пневме существуют все тела без исключения.

224.24-27. Не существует ничего, что было бы способно двигаться одновременно в противоположные стороны, как стоики говорят о пневме.

11. *Учение стоиков о Боге*

224.27-225.4. Стоики не различают материю и форму, но роль того и другого приписывают пневме. И Бог, и материя у них материальны, Бог *целиком-и-полностью* смешан с материей и тем самым оформляет ее. Все это неверно, потому что:

225.4-5. Учение о Боге — лишь продолжение ложного учения о взаимпроницаемости тел.

225.5-18. Бог тогда должен быть или простым телом, или составным телом, или неким пятым телом. Будучи простым или сложным телом, он ДОЛЖЕН ПРОНИЦАТЬ МАТЕРИЮ еще до смешения с нею и до СВОЕГО СОБСТВЕННОГО СОТВОРЕНИЯ; он зависим от материи, а будучи таковым, он ВЕЧЕН ЛИШЬ НА СЛОВАХ.

225.19-226.10. Пронизывающий материю Бог НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НАЗВАН ТВОРЦОМ. Доказательство стоиков о проницании Богом материи от внутренней слаженности природных тел опровергается указанием на факты природной причинности, когда творец всегда находится вне. 226.10-16. Если Бог есть форма материи, МАТЕРИЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЕСФОРМЕННОЙ.

226.16-24. Если Бог есть форма материи и во время Мирового Пожара, то при остывании огонь превратится в другие тела, то есть Бог изменится. И если причина такого изменения он сам, то Бог РАЗРУШАЕТ САМ СЕБЯ, что абсурдно.

226.24-30. Представление о Боге как творце самых ничтожных вещей не согласуется с ЕСТЕСТВЕННЫМ ПОНЯТИЕМ О нем.

226.30-33. Если смешанные тела друг на друга воздействуют и испытывают ответное воздействие, то Бог БУДЕТ ПОЛУЧАТЬ ВОЗДЕЙСТВИЕ ОТ МАТЕРИИ.

12. Итоговые замечания

226.34-227.10. Учение о взаимопроницаемости тел — основа всей стоической философии; оно лежит в основании учения о началах, Боге, судьбе, провидении, единстве и *симпатии* космоса.

227.10-17. Доктрина о взаимопроницаемости тел опирается на такие известные примеры, как прокаливание огнем железа, что стоики описывают как *проницание* одним телом другого.

227.17-228.4. Такое объяснение неверно: (1) в железе у огня нет горючей материи, (2) его не может поддерживать его собственная материя, (3) он должен быть отделен от своей собственной материи и поддерживаться влагой, присутствующей в самом железе, пока она не испарится.

В основном критика учения стоиков о смешении сводится в трактате Александра к критике понятия взаимопроницаемости тел (на основании глав 5-9):

(1) тела друг для друга не проницаемы, потому что два тела не могут занимать одно и то же место;

(2) смешения *целиком-и-полностью* не может быть по той же причине, по какой не может быть актуально бесконечного деления.

Итак, стоическое учение о смешении Александр трансформирует в учение о взаимопроницаемости тел (*σῶμα διὰ σώματος χωρεῖν*) и считает, что оно лежит в основании учения стоиков о Боге, судьбе, провидении, космосе. Это принципиальная переформулировка трактата, вокруг которой строится вся дискуссия, и по этой переформулировке трактат запомнился позднейшим комментаторам¹⁸. Еще до Александра так же переформулировал учение стоиков о смешении Плутарх из Херонеи (ок. 45 — 127 гг. н. э.), посвятивший критике стоиков трактат «Об общепринятых понятиях (против стоиков)». Он же указывает и самого первого критика стоической теории смешения — главу скептической Академии Аркесилая (ок. 315 — 240 гг. до н. э.)¹⁹. Трактат *О смешении* считается важным доксографическим источником, — в собрании древних стоиков Арнима (Stoicorum Veterum Fragmenta) содержится целых пятнадцать отрывков из *О смешении*, включенных туда как свидетельства об учении Хрисиппа²⁰. Однако представление учения стоиков в *О смешении* имеет мало отношения к жанру доксографии. Исследователь трактата Роберт Тодд характеризует доксографический метод

¹⁸ Ср. Фемистий, *In Phys.*, 104. 18-22 SCHENKL; *Симпликий*, *In Phys.*, 530. 14-16 DIELS.

¹⁹ Plut., *De comm. not.*, 37, 1078 C-D.

²⁰ См.: SVF II 310 (= *De mixt.* 224. 32-225. 10), II 441 (223. 25-224. 4), II 442 (224. 14-26), II 466 (219. 16-20), II 470 (216. 1-14), II 473 (216. 14-218. 10), II 474 (221. 16-19), II 475 (226. 34-227. 17), II 481 (213. 2-8), II 481 (220. 37-221. 3), II 735 (233. 14-24), II 735² (234. 23-32), II 1044 (225. 18-27), II 1048 (226. 10-21), II 475 (226. 34-227. 17).

Александра как «враждебный по отношению к стоикам (a method of hostile doxography)²¹, вследствие чего объектом его критики оказывались упрощенные версии стоических доктрин. Кроме того, можно отметить, что Александр цитирует стоиков, как правило, анонимно (особенное в комментариях), — в отличие от ссылок на своих предшественников-перипатетиков, когда он упоминает не только их имена, но и произведения. Вероятно, у Александра не было на руках текстов древних стоиков, и он пользовался либо парафразами, либо учебниками, созданными в рамках современной ему стоической традиции.

Основные аргументы Александра вполне выдержаны в духе Аристотеля, более того, как выясняется при ближайшем рассмотрении, именно логика рассуждений Аристотеля задает логику рассуждений Александра, — характерный пример: в главе 5 Александр доказывает, что два тела не могут быть взаимопроницаемы ни как таковые, ни поскольку в них имеются поры, но стоики, насколько известно, никогда не пытались доказать ни первого, ни второго, более того, интерпретация гипотетических пор как пустоты в телах вообще была невозможна в стоическом космосе, где пустоты нет. Откуда же появилась эта тема в трактате Александра? Можно с точностью указать источник — четвертая книга *Физики* Аристотеля, а также *О возникновении и уничтожении*, кн. I, гл. 8, где Аристотель разбирает учения Эмпедокла и атомистов. Эти тексты постоянно нужно иметь в виду при чтении *О смешении*.

Общее резюме Александра: все рассмотренные им учения о смешении «абсолютно нелепы» (*παντελῶς ἄτοπα*), стоическое же учение, как он категорически заявит в заключительных строках трактата, «парадоксально и удивительно» (*παράδοξον τε καὶ θαυμαστὸν δόγμα*). Между тем как стоики, так и их критик Александр основывают свои учения на казалось бы одном и том же фундаменте — «очевидных и ясных для всех представлениях», называемых или «общими понятиями» (*κοινὰ ἔννοιαι*), или «естественными понятиями» (*φυσικὰ ἔννοιαι*), или «общепринятыми представлениями» (*κοινὰ προλήψεις*). Речь во всех случаях идет о принимаемых без доказательства первых аксиомах учения, истинность которых должна быть интуитивно ясна. Но вот что обнаруживается. Для стоиков таким ясным и очевидным понятием была мысль о взаимопроницаемости тел. На взгляд Александра, «общепринятым понятием» является понятие о непроницаемости тел. Александр не считает возможным принять язык чужой философии и предпочитает переводить стоиков на свой перипатетический язык. Неудивительно,

²¹ R. B. TODD, *Alexander of Aphrodisias on Stoic Physics, A Study of the De Mixtione with Preliminary Essays, Text, Translation and Commentary* (Leiden, Brill, 1976), p. 86.

что после такой герменевтической процедуры у стоиков все получается «нелепо».

4.5. Об особенностях употребления Александром терминов, обозначающих смешение: *μῖξις* и *κράσις*

Заметную сложность при чтении трактата создает несистематическое использование терминов *μῖξις* — «миксис» и *κράσις* — «красис» самим Александром. Например, в первых «историко-философских» главах трактата он использует эти термины в духе Аристотеля синонимически. Термин «красис» здесь появляется при обсуждении дискретной теории материи (De mixt. 215. 8), а «миксис» — при упоминании о стоическом полном смешении.

В других он строго различает *μῖξις* («миксис») как родовое понятие для смешения вообще, *κράσις* («красис») — как видовое понятие для стоического смешения *целиком-и-полностью*. «Тожественны ли *μῖξις* и *κράσις*, или между ними имеется определенное различие. Как представляется, они различны: *μῖξις* есть более общее понятие, *κράσις* — более частное» (De mixt. 228.26-28). Такое различие характерно для центральных критических глав трактата. Ср. также следующие случаи:

216.28: «в такого рода смеси-*μῖξις*, которая из всех *μῖξεων* является в собственном смысле слитной смесью-*κράσις*»

221.7: «одно называется *μῖξις*, а другое — *κράσις*».

216.31: «из всех смесей-*μῖξεων* только *κράσις* является смесью-

216.30: «*κράσις* — особого рода *μῖξις*»

217.2: «слитная смесь» (*κεκραμένον μῖγμα*).

219.28-29: «при смешивании-*μῖξει* тех тел, о которых говорится как о слитно-смешанных (*τῶν κινῶσθαι λεγομένων*)».

220.37: «компоненты смеси (*τὰ κεκραμένα*) перемешаны (*μέμικται*) целиком и полностью».

228.34: «смешение в смысле слитного смешения» (*ἢ ὡς κράσις μῖξις*).

Стоическое понятие «смешение *целиком-и-полностью*» передается в трактате несколькими способами. Во-первых, для этого как правило используется термин *κράσις* (или соответствующие глагольные формы *κινῶσθαι/κεκρασθαι*) в сочетании с дополнением *ἅλων δι' ἅλων* (также *ἅλων δι' ἅλων* и *δι' ἅλων*). Но, кроме этого, понятие смешения *целиком-и-полностью* передается через подстановку *δι' ἅλων* к *любому* из терминов, описывающих какое-либо смешение: *δι' ἅλων μεμιγμένα* (221.15), *ἅλα δι' ἅλων τὰ κεκραμένα μέμικται* (220.37), *ἅλα δι' ἅλων παρατιθέμενα* (218.8). Последний случай особенно любопытен, потому что

(«составление») как раз противопоставляется смешению.

В качестве последней особенности можно отметить гендиадис *κινῶμενά τε καὶ μεμιγμένα* (220.20, «смешанные тела»), к которому Александр довольно часто прибегает, начиная с 6-й главы трактата. Возможное объяснение состоит в том, что после доказательства ложности понятия «полного смешения» (*κράσις δι' ἅλων*), Александр более не считает нужным воспроизводить стоическую терминологию, и демонстрирует таким образом, что термины эти («миксис» и «красис») совершенно равноправны.

Поскольку один и тот же термин *κράσις* был принят и стоиками, и перипатетиками, то в переводе его удобно различать. Когда контекст позволяет точно определить, в каком смысле в данном случае употреблен термин *κράσις*, то для перипатетического значения принимается перевод «слитное смешение», для стоического — «полное смешение». Понятно, что в переводе невозможно выдержать это различие для тех случаев, когда Александр обсуждает стоическое понятие смешения, но имеет в виду перипатетическое.

5. Трактат Александра Афродисийского *О смешении*: изложение учения Аристотеля

5.1. Учение Аристотеля *о смешении* в изложении Александра

Правильное (аристотелевское) учение о смешении Александр излагает в гл. 13-15 трактата *О смешении*. Краткое содержание этих глав:

Глава 13. Прежде всего Александр устанавливает, какие вещества считаются способными смешиваться между собой. Таковыми оказываются сущности, способные существовать самостоятельно, то есть тела. В этом причина того, что из смеси компоненты могут быть выделены обратно — потому что и до смеси они могли существовать сами по себе. Словом *красис* обозначается смешение жидких тел. А чтобы жидкости могли образовывать нечто единое, они должны быть способны взаимодействовать друг с другом. Чтобы взаимодействовать, они должны обладать взаимно противоположными свойствами (= противоположной формой), но одной подлежащей материей. Примером смешения и взаимодействия подобного рода могут быть четыре первоэлемента.

Глава 14. Смешение отличается от возникновения и уничтожения тем, что при смешении исходные компоненты смеси сохраняются. Смешение — это соединение тел с противоположными свойствами в ходе их взаимодействия, но без уничтожения.

Глава 15. Способность компонентов смеси выделяться из нее обратно объясняется в терминах возможности и действительности: в смеси компоненты находясь в возможности, но при известном воздействии извне могут перейти к своему действительному существованию. Например, в молоке жидкое и твердое содержатся в возможности, и если бросить в молоко горячий камушек, оно скиснет и из него получится творог и сыворотка.

При смешивании двух веществ наступление *κράσις* фиксируется тогда, когда они перестают быть тем, чем были до смеси, Эта принципиальная характеристика (существовать субстанциально, быть самим собой) описывается в трактате несколькими выражениями:

сохранять
свой собственный
внешний вид:

σώζειν τὴν οἰκείαν ἐπιφάνειαν 213.3
φυλάττειν... τὴν ἐπιφάνειαν τὴν ἑαυτοῦ
ὑπὸ τῆς οἰκείας ἐπιφανείας περιέχεσθαι 12
πᾶν γὰρ μῶριον αὐτῶν τὸ ὑπὸ οἰκείας ἐπιφανείας
περιεχόμενον 221.3
κατ' οἰκείαν περιγραφὴν τε καὶ ἐπιφάνειαν 221.8
οὐ φυλάσσει τὰς οἰκείας ἐπιφανείας ἔαν μὴ ᾗ γλιω
χρόν. 231.1

сохранять
свою собственную
природу:

σωζόντων... τὴν οἰκείαν φύσιν 214.23
σώζειν ... τὴν οἰκείαν φύσιν. 217.7
διαπεφοιτηκέναι ὅλα δι' ὄλων σώζοντα τὴν οἰκείαν
φύσιν 218.6
καὶ κατ' αὐτοὺς σώζοντα τὴν οἰκείαν φύσιν 220.21
τὴν οἰκείαν ἀνατρέχει φύσιν 231.24
ὑπομένον τε καὶ σώζον τὴν οἰκείαν φύσιν τὸ αὐξόμενον
τὴν προσθήκην 234.3

сохранять
свою собственную
сущность

σωζούσης ... τὴν οἰκείαν οὐσίαν τε καὶ ποιότητα
216.20
σώζειν ... τὴν τε οἰκείαν οὐσίαν καὶ τὰς ἐν αὐτῇ π
οιότητας 30
σώζουσαν τὴν οἰκείαν οὐσίαν 217.35
σώζοντος ... τὴν οἰκείαν οὐσίαν. 218.2
μένει ... ἑκάτερον ἐπὶ τῆς οἰκείας οὐσίας 233.6

сохранять
свои собственные
качества

σώζειν τὰς οἰκείας ποιότητας. 217.30
καὶ μινύμενα δι' ὄλων αὐτὰ τε σώζεσθαι τὰ ἐξ ἁ
ρχῆς μένοντα καὶ σώζειν τὰς οἰκείας ποιότητας.
220.29
τῇ γὰρ οἰκεία ποιότητι ἀπὸ παντὸς τοῦ μίγματος
γεννώσα τὸ δυνάμενον 232.3

остав: *καθὸ εἶδος ἔχει καὶ τῷ σώζεσθαι τε καὶ μένειν ταῦ*
собой τὰ ἃ ἐστὶ 224.30–31

Такое отождествление *природы* и *сущности* соответствует аристотелевской традиции употребления термина. Ср. *Μεταφυσικα*, кн. V, гл. 4: «природой-φύσις называют и сущность природных вещей... Поэтому и о том, что существует или возникает естественным путем, хотя уже налицо то, из чего оно естественным образом возникает или на основе чего оно существует, мы еще не говорим, что оно имеет естество, если у него еще нет формы, или образа».

5. 2. Место учения о росте в рамках физического учения Аристотеля и его представление в трактате Александра

Заключительная глава трактата посвящена аристотелевскому учению о росте живых организмов. Переход к этому вопросу обусловлен продолжением критики стоической теории смешения *целиком-и-полностью*. В 233.14–24 Александр говорит, что некоторые философы пытались объяснить органический рост с помощью теории о взаимопроницаемости тел, и это воззрение следует опровергнуть. Александр делает это с помощью аргумента, основанного на *О возникновении и уничтожении* I, 5, 321B15–16: рост не может происходить за счет присоединения внешнего тела (пищи), поскольку это будет означать, что два тела займут одно место. Остальная часть главы представляет собой подробный парафраз аристотелевской дискуссии о росте из *О возникновении и уничтожении* I, 5, с включением только двух упоминаний о стоическом понимании взаимопроницаемости тел (236.12–14 и 238.20–23). Помимо этого Александр в 234.5–9 говорит о том, что рост не есть смешение или возникновение, — это можно сопоставить с содержанием главы 14 (230.17) и главы 15 (231.30–232.18), где имеются аналогичные утверждения. Но этим, собственно говоря, и исчерпываются все упоминания о стоиках. В целом, эта самая длинная глава трактата не очень прочно связана с основным текстом трактата и выглядит как некий appendix к *О смешении*.

КРАТКОЕ АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ *О СМЕШЕНИИ*, гл. 16

233.30–234.15 Рост происходит за счет усвоения пищи извне; пища производит изменение, а тело сохраняется.

234.15–235.14. Усваиваемая организмом пища становится прежде всего подобочастными частями организма (плотью, костями, кровью), а потом за счет подобочастных вырастают неподобочастные (руки, ноги, туловище).

235.14-236.14 Рост происходит не как рост материи (ибо материя изменчива, а растущее должно оставаться самим собой), а как РОСТ ФОРМЫ. ЭТО ДОЛЖНО опровергнуть представление стоиков о том, что процессы питания и роста можно объяснить только через понятие взаимопроникновения тел.

236.14-238.20. Механизм роста можно проиллюстрировать таким примером: если на землю (самый тяжелый элемент) в центре мира положить нечто еще более тяжелое, это новое тело будет сверху подталкивать частицы земли вперед, пока новый центр тяжести земли не совпадет с центром мира.

Проблема питания и органического роста — особая тема античной физики. Она находится на стыке естественнонаучных и психофизиологических проблем. К физике учение о росте и питании имеет прямое отношение как часть учения о движении и изменении: «когда изменение в противоположное относится к количеству, тогда это рост и убыль; когда к месту — то это перемещение; когда к свойству и качеству — это изменение; когда же не остается чего-либо, противоположность чего есть качество или вообще приводящее свойство, тогда имеется возникновение [одного] и уничтожение другого» (*О возникновении и уничтожении* I, 4, 319b32-320a3). Посвященная учению о росте заключительная часть трактата *De mixtione*, как и соответствующие места из трактата Аристотеля *О возникновении* (прежде всего, кн. I, гл. 5), должна быть включена также в контекст учения Аристотеля о душе и, в частности, его учения о растительной (питающейся) душе. Александр прямо обозначает эту тему, когда в начале 16-й главы *De mixtione* говорит, что «питаются те тела, в которых присутствует растительная способность (*θρεπτικὴν ἔχει δύναμιν*), а таковы растения и животные» (*De mixt.* 233.26-27). О растительной способности, или растительной душе, Аристотель говорит в четвертой главе второй книги *О душе*: «Душа, причина роста и питания (*τὸ αἴτιον τοῦ αἰξάνεσθαι καὶ τρέφεσθαι*)» (416a8-9); «Растительная душа (*ἡ θρεπτικὴ ψυχὴ*) — первая и самая общая способность души, благодаря ей жизнь присуща всем [живым существам]» (415a23-25); «Не разрушается и не растет само (*φυσικῶς*) то, что не питается, а не питается то, что не причастно жизни» (415b26-27); «Именно питание отличает растительную способность от других» (416a21); «Это [растительное] начало души есть способность сохранять обладающего этой способностью, поскольку оно таково, а пища обеспечивает его деятельность; поэтому без пищи [организм] не может существовать» (416b17-20). О растительной способности души Аристотель в *О возникновении и уничтожении* I, 5 прямо не упоминает, хотя душа и эта ее способность им подразумеваются. Когда Иоанн Филопон будет комментировать *О возникновении и уничтожении*, понятие растительной (питающейся) души будет упоминаться им систематически. Можно пред-

положить здесь влияние интерпретации Александра Афродисийского и его утерянного комментария на *О возникновении*.

Из сохранившихся текстов Александра тем же проблемам органического роста посвящены *De anima* 33,13-38 Brans (комментарий на *О душе* II, 4 Аристотеля) и *Quaestiones* I, 5 (*Почему рост происходит в отношении формы, а не в отношении материи*). Последний текст был переведен на арабский, а потом с арабского его перевел на латынь Герард из Кремоны; этот перевод был распространен в средние века как отдельный трактат *De augmento* (*О росте*).

* * *

Перевод выполнен по изданию: R. B. TODD, *Alexander of Aphrodisias on Stoic Physics. A Study of the De Mixtione with Preliminary Essays, Text, Translation and Commentary* (Leiden, Brill, 1976). Немногочисленные расхождения с текстом Тодда оговорены в примечаниях. Деление текста на главы и абзацы соответствует изданию Тодда. Пагинация Тодда следует пагинации издания *De Mixtione* Брунса в CAG, Supplementum 2.2; согласно изданию Тодда, указание на страницу и строку делается для каждого нового абзаца. Названия глав с некоторыми изменениями воспроизводят названия, предложенные в книге Тодда. В квадратные скобки при переводе заключаются слова, которых в греческом нет, но которые представляются необходимыми для адекватного понимания мысли автора.

Как отметил Тодд, «мало надежды на то, что перевод такого сочинения, как *De mixtione*, будет полностью читабельным» (op. cit., p. 93). Русский перевод еще с меньшим основанием претендует на читабельность, — у нас нет устоявшейся традиции перевода стоических терминов, которыми изобилует этот трактат, как и нет образцовых переводов технических терминов Аристотеля, — язык, на котором говорит Александр Афродисийский. Откорректировать перевод стоической терминологии, прояснить некоторые трудные места и избавиться от ряда ошибок мне помог Александр Арнольдович Столяров, глава и покровитель всех studiosos stoicorum. За помощь и поддержку — моя искренняя благодарность.

Приложение

Важнейшие издания текстов Александра Афродисийского

тексты:

Alexandri Aphrodisiensis in Aristotelis Metaphysica Commentaria, ed. Michael HAYDUCK, CAG 1 (Berlin, 1891).

Alexandri in Aristotelis Analyticorum Priorum Librum I Commentarium, ed. Maximilian WALLIES, CAG 2.1 (Berlin, 1883).

Alexandri in Aristotelis in Topicorum Libros Octo Commentaria, ed. Maximilian WALLIES, CAG 2.2 (Berlin, 1891).

Alexandri in Librum De sensu Commentarium, ed. Paul WENDLAND, CAG 3.1 (Berlin, 1901).

Alexandri in Aristotelis Meteorologicorum Libros Commentaria, ed. M. HAYDUCK, CAG 3.2 (Berlin, 1899).

Alexandri Aphrodisiensis Praeter Commentaria Scripta Minora: De anima Liber cum Mantissa, ed. Ivo BRUNS, Supplementum Aristotelicum 2.1 (Berlin, 1887).

Alexandri Aphrodisiensis praeter Commentaria Scripta Minora: Quaestiones; De Fato; De Mixtione, ed. Ivo BRUNS, Supplementum Aristotelicum 2.2 (Berlin, 1892).

переводы:

Alexander of Aphrodisias on Aristotle Metaphysics (London and N. Y., Ithaca): book 1, transl. William E. DOOLEY (1989); book 2-3, transl. William E. DOOLEY and Arthur MADIGAN (1992); book 4, transl. Arthur MADIGAN (1993); book 5, transl. William E. DOOLEY (1994).

Alexander of Aphrodisias on Aristotle Prior Analytics 1.1-7, transl. J. BARNES et al. (1991).

Alexander et al. *On Aristotle's Meteorology*, book 4 (L., 1996).

A. P. FOTINIS, *The 'De Anima' of Alexander of Aphrodisias: A Translation and Commentary* (Washington, 1979).

Alexander of Aphrodisias. *Quaestiones 1.1-2.15*, transl. R. W. SHARP-LES (London and N.-Y., Ithaca, 1992).

Alexander of Aphrodisias. *Quaestiones 2.16-3.15*, transl. R. W. SHARP-LES (London and N. Y., Ithaca, 1994).

Alexander of Aphrodisias. *Ethical Problems*, transl. R. W. SHARPLES (London and N. Y., Ithaca, 1990).

Alexander of Aphrodisias on Fate. Text, translation and commentary by R. W. SHARPLES (London, 1983).

Alexander of Aphrodisias on Stoic Physics. A study of the *De Mixtione* with preliminary essays, text translation and commentary by Robert TODD (Leiden, 1976).